

Оглавление

ВИДЕНИЯ ЖЕРАРА.....	5
ДОКТОР САКС	115
Книга один. Призраки потакетвиллской ночи.....	117
Книга два. Угрюмая книгофильма	184
Книга три. Еще призраки	203
Книга четыре. Ночь, когда умер человек с арбузом.	215
Книга пять. Потоп	246
Книга шесть. Замок	269
МЭГГИ КЭССИДИ	325

Жерар Дулуоз родился в 1917 году болезненным пацаненком с ревматическим сердцем и множеством других осложнений, от которых болел почти всю свою жизнь, которая и закончилась в июле 1926-го, когда ему исполнилось девять, и монахини Приходской школы св. Людовика Французского сидели у ложа, чтобы записать предсмертные слова, поскольку слышали его поразительнейшие откровения о Небесах, произносимые на занятиях по катехизису, причем без всяких понуканий, просто настаивал его черед говорить — Безгрешный Жерар, чистое и умиротворенное лицо, весь скорбный вид, жалкость маленького мягкого покрова волос, спадающих на лоб по-над голубыми серьезными глазами и отбрасываемых в сторону рукой — Не стал бы я произносить никаких больше поношений и проклинать окаянную землю мою, а лишь мольбы одни, коли б мог решиться внутри не давать его запечатленному-в-памяти лицу сбежать от меня — Ибо первые четыре года моей жизни, пока жил он, я был не Ти Жаном Дулуозом, я был Жераром, мир для меня был его ликом, цветком его лица, бледным сутулым нравом, сердце-разбитостью и святостью, и его ученьями нежности, и мать моя все время напоминала мне прислушиваться к доброте его и советам — Летом он возлежал днями, на спине, во дворе, рукою прикрывши глаза, пляясь на белые облачка, проплывавшие мимо, на те совершенные призраки Дао, что материа-

---

* В книге по возможности сохранены авторская игра со словами и пунктуация.

лизуются, а затем странствуют, и потом уходят, развоплощаясь, в единой бескрайней планетной пустоте, словно души людские, словно сами вещественные плотские люди, словно твои вполне вещественные краснокирпичные дымовые трубы Лоуэллских Фабрик вдоль реки печальными красносолнными воскресными днями, когда большущий хмурый Эмиль Папаша Дулуоз, отец наш в одной рубашке, читал хахачки в углу у горшка с растеньем времени и дома — Потрепаз болезненного маленького Жерара по голове: «*Mon pauvre ti Loup*, бедный мой Волчонок, ты родился страдать» (мало грезя о том, сколь скоро настанет конец его страданьям, сколь скоро ливень, ладан и слезные мглы похорон, кои проведут через дорогу в подвальной церкви св. Людовика Французского, что как погреб, на углу Буавер и Западной Шестой).

Для меня первые четыре года моей жизни проникнуты и серы памятью о благонаравном серьезном лице, какое клонилось надо мной и было мной, и благословляло меня — Мир что выводок Дулуозовой Святости, а он большая курица, Жерар, кто наставлял меня быть добрым к зверюшкам и брал меня за руку в забытых прогулочках.

«*Allo zig lain** — *ziglain* — *zigluu* —»», говорил он нашей кошке, высоким чокнутокотовым голоском, а кошка глядела на него в ответ просто и тупо, как будто котовий язык истинный, но они, к тому же, еще и понимают слова, знаменующие доброту, и глаза их следили за ним, когда перемещался он по нашему серому дому, как вдруг благословляли его неожиданно, вспрыгнув ему на колени в сумерках, в тихий час, когда на печке булькает крахмалистую ирландскую картошку вода и уши заполняет тишьмолчанье в домах, объявляя о благословенном нескончаемом присутствии Авалокитешвары, что ухмыляется в роящихся тенях за набивными креслами

---

* Здесь: шерстяной парняга (*жуаль*) (Жуаль — разговорный вариант французского языка в Канаде. — *Примеч. ред.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

и лампами с кистями, Утроба Изобильного Плодородия есть мир, а печальности в нем смехотворны, Жерар наименьший и распоследнейший, кто не признаёт этого, готов спорить, будь он тут благословить карандаш мой, пока предпринимаю я и перевожу дух изложить его боль-сказ миру, коему нужно Жерарово мягкое и любящее подобье.

«Небеса все белые (*le ciel yé tout blanc*, на патуа маленького дитяти, патуа, каким говорили мы на своем родном французском), — ангелы как ягнята, а все дети и их родители вместе навеки», — говорил он мне бывало, а я:

«*Sont-ils content?* Они довольны?»

«Им никак иначе, только довольными —»

«А какого цвета Бог? —»

«*Blanc d'or rouge noir pi toute* — Переводится как «Белый от золота красного черного и все остальное».

Котик подходит и сварливится влажным носом и зубиками в протянутой указательный палец Жерара: «Нучивотакое, *Plooplí?*» — Если б мне только вспомнить свертыванья калачиком и любовь двух этих заброшенных братиков в прошлом, таком далеком от нынешней болезной моей цели, я б мог, будь у меня мостик, обрести их целительные добродетели, растеряв все свои молекулы тогдашнего без их вкуса просветленья.

Он укутывает меня в пальто и шапку, он мне покажет, как играть во дворе — Меж тем дым скорбит с красных сумеречных крыш в зимней Новой Англии, и тени наши в бурой мерзлой траве как воспоминанья о том, что наверняка случилось миллион эонов эонов назад в Том же и пылающем Нирванно-Самсарном Задудо-Зажженном свете.

Я истинно считаю, что помню серое утро (как пить дать, суббота), когда Жерар возник в домике на Бёрнэби-стрит (когда мне было 3) с мальчонкой, чье имя я не могу забыть, и вещество у него, как комки серой грязи, Плурд — Окаянство скорбное его имя — Хлюпая носом, высморкать который у него не было платка, грязный, в дырявой шер-

стяной фуфайке, сам Жерар в своих длинных черных приходских чулках и высоких ботинках на пуговках, они стоят во дворе у деревянного крылечка назади сбоку, где лицом обращаешься к лугам печали (с их рошей яропливчатых сосен подале и где дождливыми днями я различал начатки Индейцеликого Тумана) — Жерар хочет, чтоб Мама Анж дала мальчонке Плурду хлебца с маслом и бананов, «*Ya faim*, он голодный» — Из нищей и невежественной семьи, вероятно, и его там никогда не кормят, только за ужином, или же временами (быть может) сэндвич с лярдом, Жерар был достаточно сметлив сообразить, что ребенок голоден и плакал из-за этого голода, а он знал необыкновенную щедрость дома собственной матери и потому привел его сюда и попросил для него еды — Кою мать моя дала мальчику, кто теперь, годы спустя, как я вижу или только что увидел, при недавнем визите в Лоуэлл, шести футов росту и 200 фунтов весу, и множество хлеба, масла и бананов, и детских щедрот пошли на громоздеж его истлевающей горы плоти — проблеск воспоминанья, быть может, у него в мозгу водилы грузача о крохотном заморыше, кто скорбел по нему и кормил его, и благословил его в давнем далеке — Плурд — Канадское имя, содержащее в себе для меня все отчаянье, грубую мерзотную безнадегу, холодную и надтреснутую горечь Лоуэлла — Словно брошенный вой собаки и никто дверь не откроет — Для Плурда судьба его, для меня: — Жерар ее откроет Любви Господа, почему, теперь, 30 лет спустя, сердце мое, исцеленное, все-еще-тёпло, спасено — Без Жерара что бы случилось с Ти Жаном?

Я на веранде, закутанный в обвертки, гляжу маленькую Христосную драму — Мать моя заходит в кухню и намазывает маслом хлеб, и чистит бананы, тем своим сердцеразрывающим, медленным, вошкотливым движеньем матерей по всему миру, словно у старых Индейских Матерей, что месили тортিলы и варили маисовую кашу по всем лязгам тысячелетий и ветровая — Сердце мое там, где ему место.

Отец возвращается с работы и слышит об этом, и говорит: «Вот же сердце у него есть, у этого ребенка!» — покачивая головой и прикусывая губы у печки.

Лишь много лет спустя, когда я встретил и понял Саваса Савакиса, припомнил я однозначный и бессмертный *идеализм*, коим наделил меня мой святой братик — И даже потом, с открытием (либо тупоротым изумленным зависло-спутанным умовыжженным прозревательным вновь открытием) Буддизма, Пробужденности — Изумленное припоминанье, что с самого начала мне, кем бы «я» или чем бы «я» ни был, было предрешено, и впрямь суждено встретить, узнать, понять Жерара и Саваса, а также Благословенного Господа Будду (да и моего Милого Христа через все его Павловы путаницы и кровавые кресты языческого насилия) — Пробудиться к чистой вере в яркой единой истине: Всё Хорошо, практикуй Доброту, Небеса Близки.

Жераровы печальные глаза первыми это предсказали — В грезе уже завершенной, коя есть все это — Лицо его сплошь безмятежно и сострадательно, различные его портреты у нас были, один в особенности теперь предо мной, что сняли на его (возможно) пятом году, на крыльце дома на Люпайн-роуд, том, что, когда я недавно его навестил, явил мне (моему старому взору младенца) древний очерк Начал-Земли в виде рифленого светошара-на-потолке-веранды, каковой я все изучал и изучал младенческими глазами в долгие дни дремотного солнца или теплым мартом, у себя в колыбельке — Когда увидел его совсем недавно, в возрасте 33, контуры его пронзительно вернулись ко мне с давно забытыми очертаньями Жерарова лица и причудливых мягких волос, и с приходской рубашкой маленького Раскольника, и в высоких черных чулках — Отнюдь, и в самую бурную драмку дома по соседству, и еще даже более отнюдь-гораздо-хуже в сам каменный «зámок» на вершине холма через поле отсюда, какой я совершенно забыл рациональной своей памятью и увидел

с благоговеньем в зрелости своей то, что уже бессознательно различил в подростковых грезах о «Докторе Саксе и Замке Великого Мирового Змия», что целиком объяснится дальше в «Легенде Дулуозов» — Помянутое крылыцо есть сцена святого снимочка, тут хранимого, Жерар сидит на перилах с моей сестрой Нин (тогда ей было 3), держа ее за руку, щедрясь на солнышке оба они, а какая-то тетушка или крестный отец по отцовской линии шелкает снимок, давно забытый снег человеческих надежд бледнеет в более бурные пятна в старых фотоизмах — Я там вижу в глазах Жерара самую алмазную доброту и терпеливое смирение Братства Идеального, проповедуемого издали вдоль по вечным коридорам Буддовости и Сострадательной Святости, в Нирмане (видимость) Кайе (форме) — Мой собственный брат, пятнышко святости в нескончаемых шаровидных Вселенных и промозглом Хилосмосе — Сердце его под рубашечкой велико, как священное сердце тернов и крови, изображенное во всех скромных домах Франко-Канадского Лоуэлла.

Узрите: — Однажды нашел он мышь, попавшуюся в мышеловку Черпака возле рыбного рынка на Западной Шестой улице — Лица унылей отравительных пауков, тех, кто изобрели мышеловки и проторили к своим окровавленным дверям тропы крупнозернистой скукотищи, и каркали на лежне — Именно потому, в это серое утро я способен вспомнить лица кэнаков Лоуэлла, мелких торговцев, мясников, масленников и яйцепродавцев, рыбаков, бочаров, богодулов на лавках (никаких лавок, кроме старорежимных тротуарных стульных плевательниц возле свалки, у банановых шкурок, исходящих паром в катавасии дня) — Челюстотвешенные тупые рожи выросших взрослых, у кого не было слов восхвалить или ублажить пытливых ангелочков вроде Жерара, какие тщились спасти мышь из ловушки — Но лишь пялились или пырились на челюструбках и дурковаты были в своем расцвете — Мышку же, бившуюся в бетоне, выпу-

стил Жерар — Она шатко поплелась в канаву с рыбьесоком и плевками, помирать — Он нежно подобрал ее и в кармане своем посеял добро — Взял ее домой и выходил ее, действительно ее перевязывал, держал на руках, гладил, приготовил для нее корзинку, а Ма смотрела в изумленье и мужчины бродили по улицам «о себе только заботясь», сгребая газету себе не по бобам — Босяки! все! — Мысль мельче мышшей какашки, направленная к необходимости Воскресной Службы Мессы, и та обычно подернута внутренними подсчетами, сколько они плюхнут в корзинку — Не помню рационально, но в душе у меня и в уме: Да, есть мышшь, попискивает, выглядывая, и Жерар, и корзинка, и кухня — сцена этой нежносердой больнички — «Та большая штуkenция тебя поранила, когда свалилась тебе на ножку» (потому что Жерар на самом деле мог вчувственно ощущать ту боль, боль, которой ему хватало, чтоб не стать подмастерьем в ремесле и горечи) — Он способен был ощущать железный щелчок, размалывающий его воображаемые птичьи косточки и сжимающий, и разламывающий с треском, и сжимающий все сильнее хуже-чем-смертное унылье-в-жизни — Ибо отнюдь не невинная безучастная природа придала холмам печаль и горечь, а люди, с их ужасными умами — Их невежество, отвратность, гадкие мелочные противоречья, козни, ханжеские склонности, раскаянье из-за потерь, злорадство от приобретений — Котельщики, костеносы, похоронные распорядители, перчаткотрясы, туманнодыхи, говнопостигатели, ссыкуны, осквернители, вонючки, преобразователи жирных тельцов, кроmeshные кляксы со струпьями на лике вот этого, земли — «Мышь? Да кому какое дело до растреклятой мыши — Бог, верняк, их сотворил в аккурат для наших мышшеловок» — Типичная мысль — Да я б скорее сбросил бочку сами-знаете-чего на крышу собственного дома, чем прошел милоу за беседой про такого, как они — Не считаю Жерара среди этого убогого люда, в этой компашке бычар — Особенное унылое серое брюжастое

бледноокое коварное боязливое Франко-Канадское свойство человечье, с его черной лавчонкой, его мешками припасов, его бездонным мерзким и тайным подвалом, его селедками в бочонке, его припрятанными золотыми кольцами, его женой и дочерью, что мельтешат в другой бестолковой комнате, его грязной метлой в углу, его набожностью, его холодными руками, его жаркими кишками, его хорошенько использованным хлыстом, его легким приветствием и тяжким мнением — Уложите меня в милой Индии или на старом Таити, не хочу я хорониться у *них* на погосте — Вообще-то, сожгите меня и доставьте в *les Indes*, со мною всё — Погодите, я еще разойдусь насчет кого-нибудь из этих долбокровов, если уж на то пошло — Однако маловероятно, чтоб Жерар вообще когда-либо, если б выжил, разжирел, как я, чтоб прийти и стенать о народах да ясным шрифтом громко и глупо, но был мягким нежносердым ангелом, подобных которым вы никогда больше не отыщете в научных фантастиках будущего с их клятыми пластиковыми удами и круглыми дыромашинами, и хлопотами о том, как перебраться от Прорвы к Клоаке, что на одну миллионную миллиардной дюйма дальше в бесконечности нашего милостивого Господа, нежели пылинка земная (кою я изрыгнул бы) (будь на вашем месте) (Маха Меру) — Иной день, Жерар идет в школу — Случилось на полуденном заданье, когда отправили в магазин за копченой рыбой, тогда он и нашел мышшь — Теперь, улыбаясь, я вижу его из своих отучнелых сумраков в углу гостиной: идет вверх по Больё-стрит в школу с перехваченными ремешком учебниками и в длинных черных чулках, и в той причудливой сумрачной сладости собственной персоны, что была для меня всем, больше ничего я и не видел — Счастлив, потому что его мышшь накормлена и починена, и надежно в своей корзиночке — Вполне невинно выходит наша кошка посреди своих дремот дня, и съедает, и оставляет только хвостик, достаточно, чтоб весь Лоуэлл Хохотал, но когда Жерар возвращается домой в 4 увидеть свой хвост-ик

на самом доньшке бедненькой корзиночки, кою так трудолюбиво измышлял, он заплакал — Я тоже плакал.

Мать попыталась объяснить, что кошка тут не виновата и никто не виноват, а такова жизнь.

Он знал, что кошка не виновата, но взял Бабусю и посадил ее в кресло-качалку и взялся ей за щеки и обратился к ней с увещеваньем, не меньше:

«*Méchante!* Скверная девчонка! Разве не понимаешь, что ты натворила? Когда же ты поймешь? Мы не трогаем зверюшек и всякую мелюзгу! Мы оставляем их в покое! Мы никогда не попадем на небо, если так и дальше будем кушать друг друга и уничтожать друг друга вот так вот все время! — не думая, не зная! — проснись, глупая девчонка! — осознай, что ты наделала! — Устыдись! позор! чокнутая морда! хватит мне тут ушами дергать! Пойми, что я тебе говорю! В один прекрасный день такое должно прекратиться! Время будет не всегда! — Плохая девчонка! Валяй! Ступай к себе в угол! Хорошенько все обдумай!»

Я никогда не видел Жерара сердитым.

Я в углу был поражен и испуган, как любой, кто увидел бы, как Христос в храме крушит столы менял напропалую и бичует их своим изредким кнутом.

* * *

Когда отец мой возвращается домой из своей типографии и развязывает галстук, и снимает жилет 1920-х годов, и усаживается за гамбургер и вареную картошку, и хлеб, и масло первосортное с детишечками и доброй женушкой, ему выставляется запрос, почему люди непременно так жестоки, а мышей предают, и кошки пожирают остальное — Почему нам предназначено страдать и в отместку быть жесткими, один к другому, и сбрасывать железные какашки на чела надежды, и подтирать болезные дворы, и печаловаться —